ОРГАН Студенчества Ленинградского Медицинского Института

ПУЛЬС

ГАЗЕТА, посвященная выпуску врачей 1928 года

№ 2 | 6 октября 1928 года. | № 2

Нашим молодым врачам

Горячий привет врачам выпуска 1928 года. Новый кадр врачей, закончивших учебную часть своей работы, должен будет вступить в общую врачебную семью и влить живую струю в дело культурной революции.

Перед советской медициной поставлены волею Октябрьской революции важнейшие задачи в деле оздоровления условий труда и быта широчайших рабочих и крестьянских масс.

Наша задача заключается в том, чтобы молодым врачам дать соответствующую научно-практическую медицинскую подготовку с профилактическим уклоном и привлечь их к активной общественной работе, в особенности тех, которые поедут в деревню, где еще мало культурно-общественных сил.

Облздравотдел поставил перед собою вопрос о создании лучших условий для дальнейшей практической подготовки и лучшей клинической квалификации выпускаемых врачей, соответствующей запросам современной жизни.

Приветствуя вас в день вашего выпуска, Областной Здравотдел желает вам успешной работы в деле оздоровления трудящихся пролетарской республики и на всем поприще социалистического строительства.

Заведывающий Облздравотделом
В. Смирнов.

Наш привет

Дорогие товарищи!

Вы подготовили себя к сложному ответственному труду врача.

В стенах института вы получили научное знание и навыки к общественной работе. Каждый из вас станет на свой пост скромного труженика, строителя новой жизни. Большие трудности встретят вас на этом пути, но рассеявшись по необозримым просторам нашей страны, не забывайте, что вы врачи-общественники, что ваша задача не только излечивать телесные недуги трудящихся масс, но и работать рука об руку с этими массами над строительством социалистического общества.

Только на этом пути будет иметь успех ваша врачебная деятельность, только на этом пути и возможно не только излечивание болезней, но и их предупреждение, оздоровление социального коллектива.

Итак за работу, товарищи, туда, где вас ждут—в деревню.

Да здравствуют молодые советские врачи!

Горячо желаем успехи в вашей работе на благо советской страны.

Бюро к-ва ВКП (б) ЛМИ

Итоги работы

5 лет учебы в Институте составляют половину после октябрьского периода. Этот период полнокровного, социалистического строительства характеризуется одним кратким, но достаточно внушительным словом: **рост.** Этот рост не прошел мимо вузовской жизни. Кадр 324 врачей завоевал право на звание врача-общественника. На ряду с учебой мы имели широкое вовлечение пролетарского студенчества в массовую сеть общественных организаций Института.

Соответственно росту общественно-политической работы студенчества мы организационно оформились.

Мы имеем 3 года существования курсовых ячеек ВКП (б) и ВЛКСМ.

Профсоюзный охват большинства курсов дал возможность создания курспрофбюро. Вся работа, протекавшая под руководством партийной ячейки, достаточно убедительно доказала, что пролетарское студенчество нашего курса полностью оказывало доверие парторганизациям. Предложения и мероприятия, выносимые ячейкой ВКП (б), встречали дружную поддержку беспартийного пролетарского студенчества. В виде отрадного примера, хочется указать на факт единодушной поддержки последней сходкой курса предложения партячейки об устройстве безалкогольного выпускного вечера.

Наши собрания партячейки посещались систематически наиболее близкой беспартийной частью, политкружки с трудом могли поглотить всех беспартийных, желающих поднятия политуровня. Заканчивая Институт, очередной выпуск врачей учел, что республика ждет пополнения командного состава на фронте здравоохранения. Еще весной, при опросе курса, около 100 чел. из'явило желание поехать на участки в самые отдаленные уголки Советского Союза. Едут в Сибирь, Туркмению, Казакстан, Карелию, Башкирию и Татреспублику.

К нашему выпуску незачем будет применять меры принудительной посылки врачей в деревню. Врачи-общественники сами с горячим желанием и пролетарской настойчивостью смогут реализовать полученные знания для дела социалистического строительства в тех районах, где ждут трудящиеся массы. «Мы готовы»—отвечает пролетарский выпуск врачей 1928 года.

Секретарь ячейки ВКП (б)
Г. Гуревич.

К молодым врачам

«Человеческая жизнь не похожа на дар, она носит характер долгого обязательства. На уплату долга уходит вся жизнь»,—говорит Шопенгауэр. Деятельность врача — очень трудная и ответственная, но она доставляет ему не только муки, но и минуты незабываемого счастья, если удается поставить трудный верный диагноз, выполнить трудную хирургическую операцию, если удается утишить муки у страдающего и душевной теплотой освежить доверившегося тебе человека. Область научного искательства в медицине в минуты творчества тоже является источником неизсякаемого счастья.

Не жалко потраченных лет на ученье в ВУЗ'е, забываются личные невзгоды и нужда, не жалко учиться и работать всю жизнь, чтобы, подводя итог прожитой жизни, иметь право сказать: «Я высоко держал знамя врача и человека в лучшем смысле этого слова».

Помните старую поговорку: «Счастье в вас самих, а не вокруг вас».

Проф. **Г. В. Шор.**

ВУЗ

(Отрывок из поэмы)

I.

Получил печатный листок,
А на листке: «Командируется в ВУЗ».
Пробежала по телу дрожь,
А сердце стучит: не трусь.
В губы чмокнул седого отца,
В руки короб и вмиг на вокзал,
Только видела мать молодца—
Из вагона платок показал.
Застучали по рельсам колеса,
Засвистел на ходу паровоз,
От родного далекого плеса
Паровоз меня в Питер привез.
Я один. Ни друзей, ни знакомых,
Вокруг камень, трамваи и стук.
Спроста думал: сожрет меня город,
Коли сунусь в движения круг.
Огляделся... Размыслил немножко...
Сосчитал себе, сколько годков,
А потм я вскочил на подножку
И трамвай меня в даль поволок...

II.

Вот и ВУЗ. Я пришел на экзамен,
Думал: тут я совсем пропаду?
Мне вопрос: из деревни ты парень?
Значит: здесь наши тоже в ходу..
— Комсомолец?—спросил из «приемных».
— Да,—ответил.—Так что ж?
Нам таких-то и надо дородных,
А по телу муражками дрожь...

III.

Попривык. Подружился с братвою
(Понаперлю ее к нам сюда),
Голодать? Голодаем гурьбою,
А гурьбой голодать не беда.
Коли туго придется без хлеба,
Грузим барки и лодки в порту,
Не попросим пощады у неба,
С ранних лет мы привыкли к труду.
С той поры пролетело два года,
Как приехал сюда в Ленинград,
Знать, и наша ржаная порода
Может знанья из книжек хватать!..

Северный.

Наш путь

Посвящается врачам-комсомольцам

Мы закрываем последнюю дверь Института...

Там за пятилетним перевалом лежит большой путь прожитой жизни, радостных и горьких впечатлений, тяжелых и светлых минут...

Помнится, простаком из провинциального города, в синей рубашке, незатейливо перетянутой поясом, без билета (т. к. не хватило на билет денег), на паровозном тендере, где лежат дрова (предоставил мне место по любезности машинист), прикатил в Ленинград и пред'явил свою командировку в ВУЗ, а на другой день в списках нового приема значился, что т. А... принят в число студентов Ленинградского Медицинского Ин-та. С этого и начались трудовые дни.

Не текли они медленной рекой, тихо журча и играя (как обычно пишут в хороших стихах поэты), а прямо скакли, как кони, взметая пыль по дороге...

И звучали эти дни, недели, года гармонической песнью напряженного труда, дум и размышлений... Кстати, размышлять много не приходилось, а чуть забрезжит утренний свет и лучи жалкого ленинградского солнца заползут в комнату общежития, ст-т медик уже на ногах—идет в свои клиники, лаборатории-мастерские, где профессора и преподаватели —кузнецы здоровья—учат своих подмастерьев-врачей и студентов ковать жизнь людей, бороться с недугами человечества.

Вот он сухой, как палка, в кожаной тужурке, с наглухо застегнутыми пуговицами, простой и строгий, профессор по анатомии К. об'ясняет полутысячной аудитории — будущим врачам—строение человеческого скелета. Вот он указывает на череп, а в нем центр жизни человека—мозг...

А через час в другой аудитории согбенный годами профессор-старик говорит нам о борьбе организма с микробами—вечными врагами человечества... Как радио, поблескивает его пенснэ, излучая снопы света в завороженную рассказом толпу...

Молчим... Идут минуты... Захлебываемся датами, фактами, цифрами, названиями... Потом часовой перерыв, а затем снова лекции, практические, собрания, сходки... Жизнь кружится, как маховое колесо, напрягая волю и мысль в творческих усилиях...

Бегут дни... Бегут года... Между делом горячие споры на волнующие темы, а тем наших не перерасскажешь, не сочтешь их столетиями...

Говорим, волнуемся, доказываем...

А в холодные ленинградские дни мы не раз ходили в порт грузить мешки и лес, отправляя экспорт за границу...

На Каменноостровской улице, напротив центрального рынка, грунт под большой дом возведен руками студентов-медиков. Это мы, голодные, оборванные, в 1923 г. ложили шлак и кирпичи под большую стройку, ради дерзкого стремления быть хозяевами и строителями высшей школы, веками недоступной пролетариату.

Но вот прошли 5 лет... Из неоформленной человеческой массы ВУЗ выковал из нас четкую фигуру культурного врача - общественника, преданного делу рабочего класса, делу революции...

И это звание мы должны с честью пронести по городам и селам, ни на минуту не забывая о трудностях пути в борьбе за здоровье и солнечную радостную жизнь угнетенного человечества.

В добрый путь!

Гр. Смирнов.

Как работали

Все, что пять — шесть лет тому назад казалось лишь далекой, прекрасной мечтой, сейчас стало действительностью. Первый и, как нам казалось, самый трудный этап нашего пути, закончен.

Из стен Института, куда пять лет тому назад мы пришли голодные и оборванные, выходит 323 врача, из коих:

Рабочих и детей рабочих .	69	чел.
Крестьян и детей крестьян	82	»
Служащих и детей служащ.	115	»
Детей трудовой интеллиг. .	27	»
Прочих	30	»

обогащенные знанием медицинских наук и опытом ведения общественной работы.

Вначале было тяжело: люди, недавно ушедшие с фронтов, на время оторванные от станков и сох, с трудом завоевывали науку. Плохое материальное положение (стипендия в 1922/23 г. было 4—5 руб. в мес., в 1923/24 г. 10 руб.), холод в лабораториях, большое количество студентов на курсе, все это затрудняло нашу работу.

Но преодолевая все препятствия, горя энергией и энтузиазмом, мы неуклонно шли вперед. Из года в год улучшалось и качество нашей учебы. Число студентов, переходивших с курса на курс, имея полный максимум, возрастало; из года в год и параллельно с этим уменьшалось число студентов, оставшихся на второй год.

	Максимум	Минимум	Ост. на 2 г.	Исключен.	Итого
1924/25 г.—II курс	71	207	137	14	429
1925/26 г.—III „	96	202	57	12	367
1926/27 г.—IV „	266	51	24	5	346

Увеличивалось не только количество «максималистов», но улучшалось и само качество учебы. Увеличивалось количество студентов, активно работавших СНО, достигнув в этом учебном году 74 чел.

Последний учебный год прошел для нас не даром—158 чел. нашего курса вели активную общественно-профессиональную работу в различных организациях как внутри Института, так и вне его. Часть наших студентов, к сожалению, незначительная, обогатилась не только практическими навыками общественной работы, но и некоторым запасом теоретических знаний — 41 чел. кончили профкружки I и II ступени.

Очень скоро многие из нас раз'едутся по всем уголкам нашего необ'ятного Союза, чтобы применить на деле те знания, которые получили здесь за пять лет.

Мы кончили, но мы и только начинаем; на нашем пути будет еще много трудностей, но энтузиазмом, верой в свои силы и знания, мы все преодолеем и будем гордо нести знамя не только врача, но именно врача-общественника. За работу, товарищи!

А. Итигина.

Чужой юмор

***

— Знаете-ли вы, чем болен «Пульс»?

— Чем?

— Thyphus abdominalis, — он запаздывает по отношению к t^0 студенческой жизни.

Привет молодым врачам!

Добрый путь

Подведен итог многолетних трудов. Сданы последние экзамены.

Пройдет еще несколько дней, и три сотни молодых врачей, окончивших Ленинградский Медицинский Институт, раз'едутся по необ'ятному простору нашего Советского Союза Республик.

Всем известно, что страна наша еще бедна, некультурна, отстала...

Много в ней еще уголков, где, как говорится, «ни пути, ни дороженьки», многим из тех, кто едет сейчас на врачебную работу в такие уголки, жить и работать придется в немного лучших условиях, чем сказочному Робинзону на его необитаемом острове.

Но пугают ли эти условия наших товарищей?

Может быть, они упали духом и опустили беспомощно руки?

Нет, этого сказать нельзя. Прошло всего лишь несколько дней, как мы уже имеем сведения о том, что наши товарищи едут в самые глухие уголки. Достаточно сказать, что есть едущие в область Коми, в Архангельскую губ., Туркестан, Киркрай, Восточную Сибирь, Закавказье; не говоря уже о том, что многие едут в глухие бездорожные, бедные, малокультурные районы Северо-Западной области.

Молодая энергия, задор и вера в свои силы — вот с чем вступают на трудовой путь молодые врачи; и не мудрено, не удивительно, ведь они не белоручки, ведь они в огромном большинстве своем дети трудящихся, выросшие и воспитанные в скромных условиях трудовой обстановки, знакомые с нуждой и лишениями с детства и непрекращавшие трудовой жизни даже во время пребывания в ВУЗ'е.

Они пришли в высшую школу, сменив на время серп и молот на книгу, и они же, а никто другой, пойдут туда — в деревню, в рабочие поселки, умудренные полученными знаниями, для того, чтобы вести совместно с трудовым народом беспощадную борьбу с вековечной темнотой, невежеством, грязью, болезнями и строить новую здоровую, культурную и свободную трудовую жизнь.

Справятся ли они с этой задачей?

Пятилетняя напряженная учеба в одном из лучших медицинских Вузов Советского Союза под руководством крупнейших профессоров и преподавателей, по нашему мнению, есть достаточная гарантия.

А если учесть еще то обстоятельство, что эти пять лет прожиты не только в крупнейшем научном центре, но в то же время в одном из самых крупных рабочих центров мира, в городе, который является колыбелью пролетарской революции и под руководством одного из наиболее славных отрядов коммунистической партии, то мы за наш выпуск можем быть спокойны.

Есть необходимая академическая подготовка, есть должная пролетарская классовая установка в работе, а остальное само приложится.

Добрый путь, дорогие товарищи! Смело за работу!

Под руководством коммунистической партии мы будем вести оздоровление и просвещение трудящихся масс, укрепляя этим мощь Советского Союза и тем способствуя наступлению торжества мировой пролетарской революции, которая раскрепостит трудящихся всего мира.

ВУЗОВЦЫ

Всех нас послали поля,
Нас провожала деревня,
Пели для нас тополя
Шелестом листьев напевным.

Пели о том, как темны
Грязные, низкие избы,
Так что под взглядом лупы
Спрятаться хочется... в низ бы.

Цельный, непочатый край...
С думою тайной.. всегдашней...
Ждет он... Вспаши урожай.
Скоро дадут эти пашни.

Песня далеких равнин,
Только тебя мы услышим,
Все мы с тобой, как один,
Вольными долями дышем.

Ждет нас родная земля,
Песни светлы и напевны.
Нас вы послали поля—
К вам мы вернемся в деревни.

А. Либов.

Выпуску врачей 1928 г.

Перед вами стоят задачи не только оздоровления населения, углубления и дальнейшего изучения медицинских знаний, но и огромнейшие задачи в деле поднятия культурного уровня рабоче-крестьянских масс и ликвидации разрыва по культурной линии между городом и деревней, мужчиной и женщиной, рабочим и служащим.

Уезжая в деревню, вы должны мобилизовать все распыленные культурные силы и использовать экономические возможности по организации здорового труда и быта, и в единой концентрированной воле итти по пути строительства социализма в нашем Союзе.

Привет новым кадрам врачей-общественников — авангарду по оздоровлению населения и культурной революции!

Исполбюро и Профком Медфака.

От учителей

Несколько напутственных слов 1928 г.

Вы закончили ваше официальное обучение, но вы не должны забывать, что только теперь вы начинаете по настоящему учиться. Вы получите диплом врача, но настоящими врачами вы почувствуете себя много позднее. Для этого вам нужно еще многому научиться и много поработать, в том числе и над самим собой. Врачебная профессия—одна из самых трудных, а потому ошибки в ней часты. Многие из них в настоящее время, к сожалению, еще неизбежны, так как врачам приходится решать задачи с целым рядом «неизвестных». Но большинства наиболее распространенных ошибок можно избежать. Для этого прежде всего нужно их знать. Нужно иметь в виду три главных источника ошибок: 1) незнание, 2) плохое наблюдение (исследование) и 3) неправильное осуждение.

Самой частой причиной ошибок служит второй источник, т.-е. плохое или недостаточное наблюдение. Врачи чаще всего ошибаются не потому, что они недостаточно знают, а потому, что они недостаточно видят. На первую ошибку от незнания приходится приблизительно 10 ошибок вследствие плохого наблюдения. Часты также ошибки, проистекающие из 3-го источника—неправильная оценка наблюдений фактов и неправильные выводы из них.

Зная корни ошибок, можно и должно с ними бороться. Знания при серьезном и добросовестном отношении к своему делу приобретаются сравнительно быстро. Умение наблюдать (видеть) достигается постоянным, настойчивым и сознательным упражнением. Сложнее положение вещей по отношению к суждению, о котором говорил еще Гиппократ. Трудность же заключается в том, что способность к суждению тесно связана с пригодными, мало изменяющимися свойствами ума и характера человека. Но и здесь многие трудности могут быть преодолены при условии сосредоточенного и сознательного направляемого внимания и самообладания. При всей своей трудности врачебная профессия одна из самых благородных, т. к. она наряду со многими тяжелыми переживаниями дает немало и радостных минут большого нравственного удовлетворения. Это обстоятельство, по всей вероятности, является причиной того, что врачи редко меняют свою профессию.

Наконец, говоря словами Гиппократа, врачебная профессия — самая «благородная». И если здоровье народа действительно есть высший закон, если необходимое условие процветания человечества, то мы легко поймем мысль Гиппократа. Чем выше культуры страны, уровень умственного развития народа, тем больше ценятся силы, здоровье и жизнь человека, а потому больше ценится медицина, и соответственно выше положение врача. Врач должен пользоваться определенным авторитетом. Только при этом условии он может с успехом выполнить свои чисто лечебные и общественые функции. Еще Гиппократ писал: «из всех профессий врачебная—самая благородная, и все же она остается позади всех других профессий, отчасти вследствие недостаточной образованности молодых ее сочленов, отчасти же потому, что общество судит о ней очень поверхностно». К сожалению, эти слова остаются вполне приложимыми и к современному положению вещей.

Вы вступаете в жизнь и во врачебную профессию в исключительное время перестройки общества на новых началах, когда переоцениваются все ценности, и, казалось бы, невозможное становится возможным. Поэтому на вас ложится обязанность при самом строгом отношении к самим себе добиваться того, чтобы и общество изменило свое отношение к врачебной профессии, т. к. это в их обоюдно правильно понимаемых интересах. Задача эта трудна, но и благодарна, и благородна, и я желаю вам успеха.

Профессор **М. Черноруцкий.**

За военную учебу

Настоящий выпуск врачей ЛМИ является первым, прошедшим курс высшей военной допризывной подготовки. Несмотря на многие дефекты как в программах, так и в общей постановке проведенных военных предметов в первые годы их введения — молодые врачи оканчивают курс с ясным представлением о предстоящей им в военное время работе по проведению профилактических, лечебных и эвакуационных мероприятиях. Военная наука не остановилась сейчас, не замерла на одном месте, а продолжает развиваться и совершенствоваться, чтобы не отстать от нее, чтобы точно знать свое место и обязанности в общем военном организме войны, необходимо совершенствоваться, следя за всем новым в военном деле. Активная работа в ячейках ОСО-Авиахима всегда поможет нам получать необходимые для работы знания.

Хочется верить, что если судьба приведет встретиться в будущем на кровавых боевых полях, молодые врачи, питомцы ЛМИ будут вполне подготовлены к отзетственной работе по восстановлению сил пострадавших в бою и тем самым подготовят славные победы Р. К. К. А.

Васирик Малоревский.

Выпуску 1928 года

Что могу сказать, прощаясь с вашим выпуском?

Прежде всего, приходится пожелать вам побольше энергии и выдержки, чтобы с честью нести тяжелый и часто неблагодарный труд врача.

На первых порах вам встретится много затруднений, особенно тем, кому придется сразу приступить к самостоятельной деятельности. Не надо переоценивать своих сил и своих знаний: за пять лет учения невозможно усвоить всего, что необходимо знать практическому врачу. Но не надо и слишком большой неуверенности, приступая к работе: очень много значит, если врач не теряется, тогда и с небольшими, сравнительно практическими знаниями можно помочь больному, а навык и практическая сноровка приобретаются быстро.

Важно только не приходить в отчаяние при ошибках и неудачах и помнить, что они встречаются и у опытных врачей. Помните, что врач никогда не должен переставать учиться. Это так необходимо практическому врачу, как и научному работнику.

В сельской практике особенно важны знания по хирургии, так как в обстановке врачебных участков именно в этой области можно принести больше всего пользы.

Не надо забывать и урологии, а с одним из ее отделов—учением о гонорее — все врачи должны быть основательно знакомы, так как гонорея получила за последнее время такое широкое распространение среди взрослых и среди детей, что борьба с нею является одним из важных моментов врачебной деятельности.

Кроме лечения болезней, громадное значение имеет предупреждение их. Каждый врач обязан способствовать физическому укреплению населения, обязан нести санитарную и санитарно-просветительную работу. К гармоническому сочетанию обоих способов охраны здоровья населения — предупреждению и лечению болезней—и должен стремиться каждый врач-общественик.

Проф. С. Н. Лисовская.

Все о том же и немножко „о другом"

(Беглые заметки).

Вряд ли кто-нибудь станет отрицать истину: врач должен быть биологически образован. И вряд ли кто-нибудь будет утверждать, что существующая до сих пор система медицинского образования удовлетворяет этому требованию.

Реальна ли, однако, подобная постановка вопроса при современных условиях? Я глубоко убежден, что даже теперь, при существующей бедности в средствах, при невозможности удлинить сроки пребывания в высшей школе, можно, и очень многое, сделать. Нужно только сдвинуть с места устоявшийся уклад с его «от дедов полученными» навыками и приемами.

Но как изменить? Здесь не место подробно распространяться, но в главных чертах о принципах нужно сказать.

В первую очередь нужно улучшить обще-биологическую подготовку на младших курсах (как составная часть и необходимая предпосылка к решению этой проблемы стоит вопрос об улучшении постановки естественно-научного образования в средней школе).

Вторым «смертным грехом» я считаю, что до сих пор во всей системе медицинского образования имеется сильнейший крен в сторону морфологических дисциплин.

Морфологические науки непропорционально раздуты, между тем, как цикл физиологических наук (нормы и патологии) занимает несоответствующее их значению малое место. И Вот совсем мизерное место в нашей системе преподавания физической и коллоидной химии, между тем, при современном состоянии науки, без основательного знакомства с этим предметом невозможно понимание почти ни одного процесса в номере, ни патологии.

Поэтому необходимо в первую очередь пересмотреть программу отдельных дисциплин в сторону сокращения одних и расширения других.

Некоторые предметы необходимо вообще изучать под другим углом зрения. Совершенно иной вид, размеры и значение, а главное интерес, приобрела бы анатомия, если бы ее стали изучать не только с точки зрения «трупной», например, скелет, суставы и мышцы изучали бы связанно в их действии, как определенный, весьма совершенный аппарат движения и опоры, т.-е. изучали бы под углом зрения законов механики.

Во-вторых, нужно рационализировать сами методы преподавания. В центре тяжести преподавания, покоящемся и поныне на лекциях и даже больше чем на лекциях—на книге должен быть перемещен в сторону пропорциональной увязки лекционного и лабораторно-семинарского метода. И, наконец, должен коснуться вопроса об экзаменах. Они совершенно не в состоянии выявить, как усвоен студентом предмет, и этим самым они утрачивают всякий смысл; не оправдывают своего назначения. Было бы еще полбеды, если бы все дело ограничивалось только их бесполезностью. К сожалению, экзамены, уложенная система приносят определенный вред.

Укажу хотя бы на два вредных свойства: у большой группы ст-тов экзамены приводят к тому, что в занятиях центр тяжести с лабораторий, лекций и клиник, проработка преметов в году — переносится на экзаменационную сессию, когда в течение 2 м-цев пытаются проглотить (но не проработать) всю премудрость 10 предметов, изложенных на протяжении тысяч страниц.

В результате, конечно, ничего не остается, кроме каши из механически заученного и легко испаряющего после экзамена из головы материала.

Еще большую несуразицу вносят индивидуальные различия в требованиях, пред'являемых профессорами на экзамене. Серьезность и важность предмета сплошь и рядом определяются действительной его важностью и местом, занимаемым в ряду медицинских дисциплин, а не размерами требований, пред'являемых профессором на экзамене.

Реформа нужна.

Но кто же должен ее проводить? Младшие курсы не могут. Должно пройти время, пока они разберутся в обстановке. Старшие курсы, когда уже разобрались и приобрели известный опыт, кончают Ин-т и уходят.

Казалось бы, кому же проводить, как не постоянным работникам ВУЗ'а, профессорам и преподавателям? Но, к сожалению, приходится констатирвать, что именно с этой-то стороны и встречаются препятствия к малейшим попыткам проведению реформы,

Необходимо, наконец, сдвинуть вопрос с мертвой точки. Необходимо со всей серьезностью подойти к рассмотрению и проведению в жизнь нового учебного плана. **Шульдер.**

Привет

Вашему курсу, с которым мне приходилось работать больше, чем с другими, я хочу сказать несколько слов на прощание. Перед вами длинная жизнь, полная опасностей, борьбы и разочарований. На этом трудном пути в сознании того, что вы принадлежите к врачебной семье, которой принадлежали величайшие умы человечества, а также сознание того, что вы являетесь необходимейшими членами общества, должно всегда ободрять вас и побуждать к беспрерывному совершенствованию. Никогда, ни при каких обстоятельствах не позволяйте унижать ваше достоинство врача и человека и сами не унижайте его, а в ваших отношениях с больными людьми будьте чужды сухости и формализма. Участливое и сердечное отношение к человеку часто дает больше, чем даже глубокие знания и неограниченные материальные средства.

В. Елеонская.

Академические миниатюры

Институтская дверь гулко захлопнулась. С порога раздалось учительское — «В добрый путь!». Непривычно и боязно итти одному без поддерживающей тебя руки, невольно вспоминаешь вчерашнее.

Ушная клиника. Аккуратненько приходишь к 9. Долгое, томительное ожидание. Минуты тянутся часами, а час до 10—вечностью... К 10 начинают подходить и преподаватели... Кое-как разворачивается работа. Смотрим носы, носики, уши и ушки, а затем гортань, а затем... затем всю неделю то же самое. В первый день приходим в 9 и уходим в 12. Потом приходим в 10 и уходим в 11. Затем приходим в 11 и уходим в 11, а потом, — совсем не приходим...

Акушерска-гинекологическая клиника. Бойкое место. Шутит профессор, шутит ассистент, шутят студенты. Весело. Удалить матку со всеми аттрибутами—все равно, что угорь выдавить,—плевое дело, по словам Константина Клементьевича. Ту проблему, что порождает бесчисленные, мучительные, зудящие споры, **пробелму пола,** легко разрешают: женись в 18 лет, а выходи замуж в 16. И докажут тебе все преимущества такого выхода, докажут убедительно со щипцами, с кольперинтером, с осложненными родами... Если бы года на три раньше в клинике работали, не было бы на V курсе холостых!.. Веселое это дело—акушерство.

Урологическая клиника. Рационализация. Хронометраж. НОТ. Без 5 минут 9—быть в клинике. 3 минуты—посморкаться. 2 минуты—осмотреться кругом. 10—смотреть на мочу, 5—ее болтать, 16—любоваться на гонококков. 25—вертеть в руках бужи.

Затем послушать, что такое **туберкулез.** И затем получать минусы и замечания, минусы и предупреждания, минусы и выговоры. И так ровно 2 недели.

Госпитальная хирургическая клиника. Прежде всего обходы Джепалидзе и Немилова, а потом—«свои» больные. Хирург начинается с системы. Перейдя к больному, вы должны подумать: или, или. Или он больной, или он здоровый. Если он болен, то что? Или кожа, или подкожная клетчатка, или связки, или мышцы, или кости, или легкие, или печень, или селезенка и т. п. После этого начинается осмотр, с ног до головы. Затем ощупывание—подробно, по системам. Одним пальцем и всею ладонью. Ваш диагноз и лечение. Последнее или консервативное, или оперативное. Если оперативное, то... в это время часы показывают первый час, и студенчество сматывается на лекции. А оперативное лечение, так и остается... за пределами студенческого участия.

Ортопедическая клиника. Явка за дальностью расстояния разрешается с опозданием, по мере сил и желания, на ½ часа, день, два, три, неделю. Приходя в клинику, садитесь, отдохните, а потом начинайте искать. Кого? Все равно, кого-нибудь, кто бы с вами позанялся. Только не забудьте, что от института довольно далеконько, а потому уйти из клиники надо пораньше — за полчаса, за час, за день, за три, за неделю.

Психиатрическая клиника. Приходится сознаться, что удовольствие обходится очень дешево. Платишь только за дорогу. Вход же бесплатный. Показывают довольно много, довольно долго. Об'яснения, как анахронизм—пока еще живы. Но ты можешь свободно на них спать. Все равно экзамен весною обеспечен, лишь бы при спутанных понятиях сознание подать матрикул было не утеряно.

Госпитально-терапевтическая клиника. Залог успеха в проработке этой клиники заключается в умении писать. Вы спросите, что писать? И наверно, думаете уже с дрожью о рецептах. Нет—совсем не в этом дело. Нужно уметь красиво, каллиграфически писать «историю болезни». Главное, чтобы было чисто. Без клякс, перечеркиваний поправок. Если это выполните, ну, тогда... не о чем и разговаривать...

❦

Не сетуйте, что, вспоминая «вчерашнее», вспомнил «патологию». В этом мало беды. Указать на недостатки—обязанность. Исправить их остающимся—долг. Надо, чтобы выходящие из школы шли по торной дорожке врача, с каждым годом все более уверенной и твердой походкой.

С. К—в.

Практика на каникулах

Прослышали бабы, что у Никиты сын вернулся, и, что парень этот докторскому ремеслу обучался.

По этому случаю захворала вся деревня. Утром чуть задымили печи, к нам в избу стали тискаться больные.

Митриевна,—заговорила старуха, держа на руках внучка, — где парень-то твой, пущай у меня болесть рассмотрит.

Я лежал на печке и грел живот.

— Ишь, думаю, черти, отдохнуть на каникулах не дадут.

За старухой пришли в рыжих полушубках еще болезные бабы. За ними вереница заболевших.

Дело неладное. Амбулаторию открывать не хотелось, а от баб скоро не отвяжешься.

Я приподнял голову и говорю:

— Бабы, чего болеть вздумали, у меня, говорю, лекарств нету, и вообще...

— Да, нам, батюшка, совет дай,— сами вылечимся.

Ловко, думаю поддели.

Зевнув раза три, я слез с печки. Отгородив в избе угол, открыл амбулаторию.

— Становись, говорю, в ряд...

Первой подошла старуха.

— Где болит?

— Вот тут, жисти, никакой нет, поет.

— Ну, раздевайся.

— Что ты, желанный, стыдно мне, старушечьи... — тут бабка замялась. Она трусила за свои груди. Кое-как уговорил.

У нее болело под ложечкой.

В избе, думаю, не в клинике городской — какой диагноз поставлю и ладно.

— Бабка, у тебя катаро и лимфоме, кварцевые лампы принимай, а лекарства семь ложек в день.

— Батюшка, да у нас со стариком в избе три ложки, а четвертая с трещиной.

— Да ты одной ложкой семь раз... Кто следующий?

Поспешно вытирая нос засаленным рукавом, вошла краснолицая Аграфена. У этой болело пониже.

Ясно дело, женское — стеснительно. Осмотрел, все равно, думаю, народ темный, не поймут диагноза.

Я говорю:

— У тебя болезнь очень серьезная, поменьше рожай, и компресс на ночь.

— А ты, чем берешь-то, — обратилась ко мне Аграфена, — маслом или яйцами?

Я говорю:

— Я еще не привык яйца и масло брать. Оставь в сенях. Кто следующий?

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Чужой юмор

Экзаменатор: — Какие травматические повреждения часто встречаются в кавалерии?

Студент: — Уколы от копий.

Экзаменатор: — Отчего?!

Голос из «провинции» — пики, пики!!

Счастье

Был холодный ноябрьский вечер. Я вышел из общежития скинуть с себя дневную, учебную муть. Осенний ветер заботливо освежал лицо. Меня обогнала парочка медичек, как видно, то же вышедших прогуляться на холодный ветерок. И как-то машинально, не отдавая себе отчета, я тихонько побрел за ними. Мы долго шли молча, — каждый мечтал о чем-то своем, еще неизведанном в жизни...

И как бы продолжая свои думы, одна из медичек мечтательно заговорила.

— Вот хорошо было бы так идти, идти по улице да миллион рублей и найти...

— Да, действительно, хорошо бы, —поддакнул я.

— Тогда бы вот можно было быть счастливой,—зачарованно продолжала она.—Я купила бы себе новые, шелковые чулки, лакированные туфельки, тонкие лайковые перчатки, лучшие духи и пудру Коти; каждый вечер ездила бы в оперу, дарила бы любимым артистам букеты благоухающих роз... Ну, конечно, завела бы себе большую собаку и красивого мужа...

— Да, действительно, — подумал я.

— Муж бы меня безумно ревновал. Валялся бы у меня в ногах, выпрашивая крошечки любви у красивой и гордой богини. Но я была бы равнодушна и жестока. В одну мрачную ночь я бросила бы дом, мужа, любовь и... улетела бы на аэроплане за границу. И там, в блестящем, высшем свете я была бы недоступной, холодной иностранкой...

— Да, вот это действительно... — подумал я.

— Ха-ха-ха. — вдруг неудержимо громко захохотала ее подруга. — И как это... ха-ха-ха... ты можешь, Манечка, такую глупость пороть. И откуда это миллионам для тебя по улице валяться?..

Словно тяжелый слон наступил на детскую игрушку, так были ошеломляюще трезвы и разрушительны ее слова.

— Действительно, откуда это миллионам на улице валяться,—сердито подумал я.

Но первая, что красиво мечтала, не хотела разрушать чарующего бреда.

— Я не говорю, что хорошо, именно, миллион найти... можно и тысячу...—защищалась она.

— Ну, тоже, хватила... тысячу...—наступала вторая.

— Ну, если не тысячу,—защищалась первая,—то, сто-то рублей очень часто теряют,—повысив голос заговорила она.

— Как же, подставляй карман шире,—язвила вторая,—так для тебя сотни рублей и раскидывают по улицам.

— Я с тобой, вообще, разговаривать не желаю. Если Павел на тебя не смотрит, так ничего на других злобу срывать,—желчно колола первая..

И обе сердито повернули к дому. Откуда-то из-за угла вырвался холодный жесткий ветер. Я уткнул подбородок в воротник и повернул за медичками в общежитие. Весь остальной путь мои подруги молчали и только, когда уже были в нескольких шагах от стеклянной двери, та, которая так бессердечно разрушила красивую сказку подруги, вдруг грустно вздохнула:

— Эх, хорошо бы двугривенный на ситный найти...

— Да, действительно, — отозвался я...

Пятикурсные тени

1. Артемова — Едешь, едешь, а не об'едешь.
2. Белевская — С милого севера в сторону южную...
3. Букреев — Под лежачий камень вода не подтечет.
4. Волохов — Не сули деревенского журавля в небе, подай физиологическую синичку в руки.
5. Жилин — Я памятник воздвиг себе нерукотворный...
6. Демин — Идите прочь, какое дело Василию Демину до вас...
7. Емельяненко — По усам текло — в рот не попало.
8. Збуржанский — Вороти назад, держи около...
9. Замышляев — Погиб я мальчишка, погиб навсегда...
10. Итигина — В движеньи мельник жизнь ведет...
11. Кудрявцева — Крутится, вертится шар голубой...
12. Рогов — Не такой уж горький я пропойца...
13. Цыганков — Ах, зачем меня мама родила...
14. Шульдер — Все выше и выше и выше...
15. Гофман — ...в окно смотрел и мух давил...
16. Желудков — Отрядом книг уставил полку, читал, читал, а все без толку...
17. Офицеров — В Красной армии штыки, чай, найдутся...
18. Татов — Ночи безумные, ночи бессонные...
19. Лужанинова — Ты жива еще моя старушка.
20. Юксор — Жив и я, привет тебе, привет...
21. Дианов — Чище равняйсь! Грудью подайсь!
22. Бердоносова и Штейн — Двуликий Янус.
23. Норман — Если на клетке буйвола написано лев, не верь своим глазам.
24. Копяшев — Пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок.
25. Рабинович — Выхожу один я на дорогу...
26. Сахаров — Шестой год я царствую спокойно...
27. Копельман — Mimosa pudica.
28. Богоявленская — Куда вы скрылись, удалились...
24. Зрячий — Он был матрос...
30. Соболева — Сладка песнь твоя, да не верю я...

Воспоминания

И чей-нибудь уж близок час.

Не крыша свалилась на бедных студентов,
Не буря над ними ревет...
То медленно входит в кругу ассистентов
К кураторам Ланг на обход.
Кошмарно бледнеют смущенные лица,
Тревога на сердце растет,
И всякому искренно хочется смыться,
Но каждый не смеет и ждет.
Вот выбрана жертва: — «анамнез неясный
Инфаркт не инфаркт, да к тому ж...»
И шепчет в испуге куратор несчастный
Какую-то дикую чушь.
Потеет от страха... Скрипит, как телега,
Но выплыть не может никак.
И Ланг, улыбаясь, промолвил: — «Коллега,
Мне кажется, это не так».
И часто бывает (я был тем студентом),
Что вижу всю ночь напролет
Как медленно входит в кругу ассистентов
К кураторам Ланг на обход.

А. Либов.

По неволе

В деревне помирал человек. Доктор был на приеме.

— Валяй, Вася,—обратился он ко мне.

— Что вы, помилуйте, я, может быть, не привык на тот свет больных отправлять, сноровки,—говорю, нет.

— Плевое дело, приучитесь.

— Хорошо, — отвечаю,—больной до меня ноги протянет, а ежели нет? А может быть, он и помирать не собирался?

В ответ доктор сунул мне в руки шприц и убежал. Пришлось ехать.

Мужичок, что вез меня до деревни, погнал лошаденку, как мог.

— Эй, дядя, зачем,—говорю,— рысью гонишь, на пожар что ли; пускай животное шажком идет!

А сам думаю: попозже приеду, авось...

— Нельзя, доктор, не гнать: человек, может, помирает, детишки остаются, жена все-таки хозяйство.

— Эх, дядя, чего ты батькой прикидываешься, послушай меня, как старого спеца. Который человек помирать не хочет—его доской не убьешь, никакими лекарствами не угробишь, а ежели кто замешкался, на ребре, по-ученому выражаясь, стоит, так тот без всякой помощи помирает. Жизнь,—говорю,—не резинка, не растянешь.

— Так-то оно, конечно... проронил возница, угостив кнутом рыжую кобыленку.

Мне стало скучно. Разговором, думаю, время не оттянешь, придется всерьез за больного браться. А в башке—карусель, мозга за мозгу зацепилась.

———

У околицы встретили ребятишки, босоногие, в одних рубашках. У крайней избы толпилась деревня, Ожидали доктора. У меня точно кость рыбья поперек горла. Вылезать из телеги неохота. Как бы, думаю, эдак покрасивее доктором из телеги выйти. А докторского во мне, кроме шприца и трубки, ни черта. Даже ростом не выдался. «Валяй, Вася»— пронеслось в башке, и я сделав серьезное лицо, вылез.

———

Народу в избе по горло.

— Граждане,—говорю,—что глаза пялите, отойдите,—говорю, — которые не родные.

У стены на лавке растянулся больной. Начал с расспросов.

— Больной, как вас зовут?

В ответ ни гу-гу.

— Чем вы больны?

Опять нет ответа.

— Батюшка, доктор,—заметила старуха,—да ведь он три дня без сознанья лежит.

— Ты,—говорю,—бабушка, не суйся, тебе, говорю,—тоже помирать пора; ежели хотите родственнику помочь, гоните, говорю, кровь в голову, загинайте ему выше руки и ноги.

Родные опешили.

— Пошевеливайтесь, говорю вам.

Тут я что-то сказал, вроде как родителей вспомнил. Со стороны казалось, что больному загибают салазки. Физкультура помогла. Больной очухался.

— Братцы, простонал он,—зачем мучаете, бока мнете, дайте по хорошему умереть.

Всадил я ему тут два кубика сердечной жидкости и говорю:

— Дорогие родственники, везите его без оглядки в больницу.

Потом добавил успокоительно:

— Пущай при больничном уходе кончается, авось выживет.

После залез на телегу и домой.

Через три дня получили известие, что больной с язвой желудка, осложненной вывихами суставов, благополучно... умер.

П. Борисов.

Факторы врачевания

Ни о чьей профессиональной деятельности не рассуждают с такой увереностью и даже подчас убежденностью, как о деятельности сынов Эскулапа.

Сегодня наш Институт выпускает новый очередной отряд молодых врачей, дав им многие сведения как о здоровом, так и о больном человеке, но еще более ценными будут те знания, которые они почерпнут непосредственно из жизни. Я хотел бы обратить внимание молодых товарищей на один из важнейших факторов врачевания, который в конце концов, на ряду с другими, установит к нам отношения страждущих.

Медицина есть одновременно и наука, и техника, и этика. Что она наука, это доказывать нечего, в ее содержание входят все современное естествознание и ряд так называемых социальных наук; она техника, ибо обладает массой технических приемов и средств, приближающих ее к ремеслу. Но жизнь обязательно устанавливает между врачом и его пациентами не только материальную связь, но и психическую, выражающуюся в любви и доверии к личности врача.

Довольно указать на ту великую перемену в психике больного, которая наблюдается до прихода и после ухода хорошего врача-«человека». Всякий знает, как удрученное настроение может способствовать не только развитию болезни, но и даже заражению ею; врача призывают не только для того, чтобы он лечил больного, но и успокоил его. Вот этот этический фактор в вашем труде является одним из самых главнейших, устанавливающих то или иное отношение к личности врача. Не даром в одной древней индийской легенде говорится, что болезни потому и существуют, чтобы быть причиной любовного отношения между людьми.

«Источник науки неиссякаем, об'ем ее неизмерим, задачи бесконечны, предел недосягаем»... (Бэр).

Но пусть вас не пугают трудности, с честью исполняйте свои трудные обязанности, сохраняя добрые отношения к своей alma mater, давшей вам возможность сторицей отблагодарить народ за полученную от нее квалифкацию врача. Сознание исполненного пред народом долга, будет вам великим утешением и на закате дней. Напомню вам добрые слова одного умного «человека-врача», обращенные к только что явившемуся на свет младенцу: «когда ты родился, мы все радовались, один ты плакал, живи же так, мое дитя, что когда ты будешь умирать, мы все бы плакали, один ты радовался».

Этим пожеланием заканчивает свой привет представителям квалифицированной новой медицинской силы, их старый учитель. В добрый час!

Профессор **Н. Корнилович.**

ПРИВЕТ

Вам, молодым товарищам, покидающим ныне стены вашей alma mater, на прощанье я позволю себе, дать несколько напутственных пожеланий.

Покидая стены Института, вы, молодые врачи, должны помнить и знать, что только там, за стенами его, наступает для вас тяжелое время учебы.

Всю вашу жизнь вы должны будете пополнять и обновлять ваши знания, чтобы оправдать приобретенное ныне вами высокое звание врача.

Здесь, в стенах Института, вы приобрели только основу, фундамент; вы получили в руки большое количество ценного оружия для борьбы с болезнями, умение пользоваться этим оружием на пользу, а не во вред больному человеку, должно вам дать дальнейшее учение и опыт.

Помните, что нам, врачам, больные вручают самое ценное, что у них имеется—здоровье, а порой и свою жизнь, а потому, чтоб оправдать это чрезвычайно ценное, но в то же время очень ответственное доверие, мы должны быть на высоте.

Никогда не становитесь узкими специалистами, так как при лечении больного врач всегда должен иметь в виду, что орган, который он лечит, является только частью полного глубокого смысла целого.

Никогда не экспериментируйте над больным, так как долг врача лечить, но не вредить.

Смотрите на больного, обращающегося к вам за советом и помощью, как на больного человека; чутко прислушивайтесь к его жалобам и никогда не смотрите на него, как на симулянта. Если порой для вас жалобы его и непонятны, то помните, что вероятней всего это является результатом ограниченности ваших знаний.

Только упорный, кропотливый труд, знание и вдумчивое изучение больного человека дают нам возможность достигнуть благополучных результатов. Моральное удовлетворение, дающее нам силу на продолжение работы и скрашивающее наш тернистый путь, мы получаем от умения восстановить пошатнувшееся здоровье и от способности предотвратить заболевание.

Получать возможно больше такого морального удовлетворения от нашей работы,—вот мои искренние пожелания, вам, молодым товарищам, выступающим ныне на медицинскую арену.

К. Рабинович.

ЛЕЧЕБНИК ИЛИ ПРОФИЛАКТИК

Я верю в гигиену... Вот где заключается прогресс нашей науки.

Н. И. Пирогов.

Еще пока не единицами исчисляются врачи даже последних выпусков, которые врачу лечебнику противопоставляют врача профилактика.

Такая «установка», в корне противоречащая основным принципам советской медицины, возможна для наших молодых врачей потому, что научную и практическую врачебную мысль не пронизала идея, высказанная Пироговым. «Будущее принадлежит медицине предупредительной; эти науки, идя рука об руку с лечебной, принесут несомненную пользу человечеству».

Конкретное воплощение этой идеи мы имеем в диспансерном направлении советской медицины, являющемся ее стержнем.

Октябрьская революция вовлекла миллионы людей, перешедших из состояния «рабочих рук» в состояние созидателей новой жизни. Каждый трудящийся, по выражению т. Соловьева, расценивается в нашем Союзе как золотой фонд республики.

В оценке труда социальная гигиена выдвигает его роль не только как фактора социального, но и как фактора биологического, определяющего в значительной степени дальнейшее развитие. В русской клинической школе имеется традиция дать полный анализ больного, не ограничиваясь лишь поверхностным обзором. Но эта традиция, вошедшая в наши вузовские клиники, попрежнему не перенесла акцента в анамнезе на социально-бытовые условия, профессию. Попрежнему в анамнезе особо почетное место уделяется бабушке, дедушке, прапрадедам, братьям и сестрам. В графе же занятий красуется недифференцированное понятие «рабочий», а между тем учет множества вредных факторов, связанных с профессией, отсутствие контакта между гигиенической и клинической кафедрами являются одним из больших недостатков нашего медицинского образования, замедляющих формирование полноценного советского врача.

Не осознав, что «лечить—долг врача, а предупреждать болезнь—его высшее назначение», нельзя выходить на широкую арену медицинской работы, ибо не будешь делать того, что требует от тебя советская действительность.

Ф. Тагер.

ОШИБОЧКА

Это был уже не первый вечер... Мне надоело распинаться об одинокой, тоскующей душе, о полыхающем пламени любви, о счастьи двух воркующих голубков и прочей дребедени. Я сказал себе — буду решительным и дерзким... Наплевать на все...

Она сегодня была прелестнее, чем раньше. Голубые, незабудковые глаза светились тихо безмятежной радостью. В ясной простоте они обещали многое... Они звали...

И я решил.

Когда я взял ее за руки и свое лицо приблизил к ее миловидной рожице, она трепетно задрожала. Я видел в ее глазах пожар самопожертвования. И тихо зашептал в ее маленькое розовое ушко:

— Милая... дорогая, — мой голос дрожал ласковой дрожью.

— Послушай... одолжи мне полтора рубля...

Минуту она молчала, потом словно ужаленная, с лицом злобной фурии истерически закричала. — Вон, негодяй...

На минуту я растерялся, потом нашел шапку — и за двери... А там, в ночной темноте, горько сверлили мысли.

— С такими ясными глазами и такая, дьявол, скупая — полтора рубля студенту на жратву пожалела.

А еще говорят — глаза зеркало души.

Впрочем, что же я размечтался... Пора на поезд...

Прощай, други...

С. Кульнев.

Несколько цифр

Институт выпускает 330 врачей, в числе которых мы имеем 25 коммунистов, 60 комсомольцев и 228 членов профессионального союза.

В сравнении с прошлыми, данный выпуск есть наиболее пролетарский.

Освещая политическую жизнь курса за пять лет, нужно сказать, что 1922 и 1923 годы были переломными в политической и общественной жизни студенчества Института, — шла ожесточенная борьба за реформу в высшей школе, за создание преобразований студенческих организаций.

С этого времени проводится углубленная политическая и общественно-воспитательная работа на курсе. Более активная часть пролетарского студенчества вовлекается в профорганизации, а через нее — на общественную и профессиональную работу. Если тогда количество членов профсоюзов выражалось в единицах, то за пять лет мы перешагнули за две сотни, несмотря на то, что прием членов профсоюза производился с большой осторожностью.

Это говорит за то, что общественно-политическая активность курса заметно росла, к этому времени на общественной работе было занято около двух третей курса.

По линии политико-просветительной работы за последние годы развернулась целая сеть полит. и проф. кружков:

В 1926-27 учебном году партсетью было охваечно 70 процентов партийцев, 80 проц. комсомольцев и часть беспартийных.

Профсетью — 52 человека (около 20 проц. курса).

В 1927-28 учебном году партсетью было охвачено 89 проц. партийцев, около 82 проц. комсомольцев и беспартийных 4 проц.

***

Профсетью охвачено около 25% беспартийных и несколько человек комсомольцев

Посещаемость кружков была хорошая, занятия проходили оживленно. Помимо этого большая воспитательная работа производилась через местную печать: стенную и устную газету, а также по линии культотдела вокруг красного уголка и клуба.

Экономически студенчество обеспечено было вначале очень плохо: получали продуктовый паек, потом десятирублевую стипендию, позднее двадцатирублевую и лишь последние два года стипендия была двадцать пять—двадцать семь рублей.

С улучшением материального положения и проведением реформ преподавания повышалась и академическая активность, несмотря на вопли некоторых профессоров, что пролетарское студенчество, мол, де, науку воспринимать не может, для этого нужна какая-то особая наследственность.

Вот, как изменялась успешность по годам:

	Перешло с макс.	Оставл. на 2 г.	Исключено
в 1924/25 год . .	71	137	14
в 1925/26 » . .	96	57	12
в 1926/27 » . .	266	24	5

Подводя итоги, нужно сказать, что мы за годы учебы не только овладели необходимыми академическими знаниями, но, кроме того, приобрели еще и большой политический багаж, что даст нам возможность смелее подойти к разрешению трудных задач общественной врачебной деятельности.

В. Збуржинский.

Выбор специальности

(Посвящ. О. П. и многим другим).

Мне, товарищи, вы эфто
Трудновато написать,
Быть хотела терапевтом,
Ан глядишь им не бывать.

Нету места. Эка сальность,
Здесь останешься едва ль
Знать, придется специальность
Изменить, хоть очень жаль.

Хирургию избираю,
То ли дело—знай кромсай,
Решено уже. Но злая
Доля выпала, ай-ай.

— Ведь в хирургах-то, ребятки,
Страсть нужда по деревням,
От хирургов без оглядки
Побежала к ушникам.

Я возьму психиатрию,
Или нет, даешь назад,
Страсть люблю педиатрию,
Изберу ка я Матмлад.

Ребятишек ненавижу,
От родильниц душу прет,
Впрочем, выхода не вижу,
Тут стажерство целый год.

В Ленинграде. Эко счастье.
В Ленинграде. Сладкий сон.
По Матмладу. Ладно, здрасте—
Выбор каверзный решен.

Л. Г.

Интересный случай

Целый день металась карета «скорой помощи» из конца в конец необ'ятного Ленинграда, целый день она маяла меня на своих упругих рессорах, а в глухой, ночной 12 час выбросила на станцию, на жесткую кровать. Не успел навалиться тяжелый сон на усталую голову, как прорезал звонок сонную тишь и задребезжал, тревожась и надрываясь. Как пьяный, бросился в кабинет дежурного телефониста. Около двери криво болтался аншлаг. Черные буквы от красной лампочки отливали кровью.

«Каждая минута ожидания кажется пострадавшему вечностью».

Всклокоченный, клюющий носом дежурный прокричал адрес завода на далекой окраине города...

В машинной груди «Фиата» сдержанно рокотала напружинившаяся сила. Щелкнул выключатель. Фонари вспыхнули и желтыми столбами уперлись в кирпичную стену. Мягкий рокот машины вскипел, затарахтел и глухо хлопнул выстрелом. Желтые столбы лизнули красные кирпичи, серые ворота, и, мягко танцуя, автомобиль понесся в ночную глушь...

«Фиат» свернул с трамвайных рельс, заплясал по выбитой дороге. Далеко еще, не доезжая до блещущего огнями завода, заревел автомобильный гудок. Фабричные ворота широко распахнулись, и десятки голосов закричали: «Сюда, сюда!» Мы с «братом» всекунду выскочили из кареты и побежали в фабричные ворота, куда нервно звали голоса рабочих. Машинный зал стонал от грохота, визга, шума. Лавировали за нашими провожатыми между станков, ремней, колес туда, где возбужденно клокотала толпа.

Сквозь образовавшийся людской коридор я увидал несчастье. Около теплой, еще не отдохнувшей от бега, лоснящейся от масла машины, корчился в тяжкой муке черный от копоти рабочий. Его правую руку схватило железное гигантсткое чудовище, раздавило стальными зубами своих шестеренок и, не насытясь, цепко держало жертву в стальной пасти. Широкие, извилистые петли вен набухли и причудливой сеткой обвили напряженные до физического предела мышцы руки. Кровь струйками сочилась между зубцов и стекала вместе с маслом на грязный пол. Капли мучительного пота навсегда смывали с мертвенно-бледного лица черную копоть...

Через полчаса освободили измятую, изгрызанную руку.

Железный остов автомобиля бился в судорогах—мы летели на предельной скорости. У дверей больницы гудок неистово заревел. Измятая сладким сном старая санитарка защелкала задвижками. Мы быстро потащили стонавшего в белую, холодную операционную. Кровь просочилась сквозь повязки и звонкими каплями падала на каменный пол.

— Доктора!—закричал я.

— Доктора! — глухо отозвалось эхо.

И он, припухший, красный от сна, неторопливо протирая белым плоточкам заспанные глаза, досадно гримасничая, хрипло бросил:

— С чем?!

— Правая рука измята в машине,—отчеканил ответ.

— Ну, наконец-то, интересный случай!

И обрадованное профессиональное любопытство плотоядной усмешкой осклабилось на сонном лице.

Я взглянул в операционную.

Залитый электрическим светом, на белой, блестящей простыне корчился с глухими стонами, в промасленной, грязной блузе с пятнами копоти, каплями пота и слез на лице, бессильно потрясая кровавым огрызком, измученный «интересный случай».

С.

Ленинградский Областлит № 15965 Государственная типография изд-ва «Ленинградская Правда». Ленинград, Социалистическая, 14. Тираж 1.000 Заказ № 5037